

П.Чони

РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ А.БОГДАНОВА В СТАТЬЕ «РАЗРУШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ» М.ГОРЬКОГО

В статье автор доказывает, что идеи, изложенные М.Горьким в эссе «Разрушение личности», которое было опубликовано в апреле 1909 в сборнике «Очерки философии коллективизма», представляют важный отправной пункт для изучения его последующих литературных произведений: от повести «Городок Окуров» до четырёхтомного романа-эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Это эссе важно для понимания мировоззрения М.Горького, складывавшегося и кристаллизовавшегося в эти годы на основе синтетического переосмысления идей А.Богданова об эмпириомонизме. Эта идейная близость в течение всего советского времени находилась под цензурой, как, впрочем, и воззрения самого А.Богданова. Но изучать Горького-писателя, не принимая во внимание то влияние, которое на него оказали идеи русского философа, значит — понимать его литературную эволюцию только наполовину.

Ключевые слова: А. Богданов, коллективизм, эмпириомонизм, «Разрушение личности», А.Луначарский

Среди обширного публицистического наследия М.Горького эссе «Разрушение личности», опубликованное в 1909 году в сборнике «Очерки философии коллективизма» в [1, т. 24, с. 26-79], возможно, — один из наименее изученных трудов писателя, обладающих тем не менее фундаментальной важностью для понимания как политических позиций Горького, так и влияния этих позиций на его литературное творчество.

Причины, по которым внимание исследователей редко обращалось к этому эссе, особенно в России, можно объяснить тем, что в этом произведении отражалось созвучие воззрений Горького с эмпириомонистическими идеями А.Богданова, которые считались еретическими. Однако Горький разделял эти идеи и остался верен им на всю жизнь. Эта идейная близость в течение всего советского времени находилась под цензурой, как, впрочем, и воззрения самого Богданова. Но изучать Горького-писателя, не принимая во внимание то влияние, которое на него оказали идеи русского философа, значит — понимать его литературную эволюцию только наполовину. Действительно, начиная с 1908 года писатель активно участвовал во внутренней борьбе во фракции большевиков, в том числе и на философском фронте, о чем свидетельствует как раз статья «Разрушение личности», предназначавшаяся, по замыслу автора, для «Пролетария», органа печати большевистской группы. Однако, как сообщает Богданов в письме от 13 февраля 1908 года [2, с. 153-154.], после продолжительной дискуссии в редакции газеты Ленин отказал Горькому в публикации, обнаружив в статье признаки начавшегося перехода писателя на противную сторону. Главной проблемой статьи была «эмпириомонистическая окраска», которая, по мнению некоторых участников собрания, налагала бы на газету «отпечаток определенной философской школы». Эти соображения решительно отвергались А.Богдановым, который считал, что философия должна оставаться в стороне от политической полемики, тем более что в первом номере «Пролетария» было напечатано официальное заявление о «нейтральности» газеты в этом отношении [2]. В те годы философия, и в частности эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, в прочтении русских марксистов «был главным элементом политической борьбы внутри социал-демократической партии и большевистской фракции» [3, с. 10]. Мах и Авенариус предполагали основать научное знание только на наблюдениях, освобождаясь, таким образом, от того, что они называли «метафизикой» материи. Основой теории познания Авенариуса и Маха является не мышление или субъект, не материя или объект, а чистый опыт в том виде, как он непосредственно познаётся людьми, который они называют «ощущениями». Знание есть не гипотетическая реальность, находящаяся вне ощущений, а поиск действенного способа организовать эти ощущения. Основываясь на этих теориях, А.Богданов развил со временем оригинальное толкование марксизма, построенное на ключевой концепции организации. Философия «эмпириомонизма» — представляет собой попытку Богданова разработать единую познавательную картину мира (монизм) для своего времени и для класса, делу которого он себя посвятил [4]. Для него знание — это организация опыта, в то время как социальная жизнь представляет собой организацию коллективной работы. Картина мира, предложенная Богдановым, лежит в терминах совокупности организационных форм, которые постепенно усложняются. Но Богданов не толковал эмпириомонизм в противопоставлении марксизму, как делал Ленин. Как прекрасно объясняет Даниела Стейла, «основным элементом глубокого и в целом неискоренимого конфликта между материалистами и махистами Ленин видел как раз идею существования независимой от субъекта реальности. Разделяя свои взгляды с Энгельсом и Плехановым, он утверждал, что вся философия состоит из двух течений — материализма и идеализма, — и любая претензия преодолеть противоречия между ними представляет собой не что иное, как скрытое внедрение форм идеализма» [3].

В диспуте между Лениным и Богдановым Горький решительно поддерживал идеи последнего. Получив от Ленина отказ опубликовать его статью, Горький заключает: «Луначарский прав, когда говорит, что “Ленин не понимает большевизма”» [5, с. 187.]. В словах Горького была немалая доля истины: полемика, развернувшаяся внутри группы, была, — как справедливо заметил В.Страда, — борьбой за «ортодоксальность» [6, с. 15-16]. Оба претендовали на то, чтобы быть настоящими представителями большевизма, но их взгляды на

способы построения социализма глубоко разнились. Ленин представлял объективистскую и фаталистскую точку зрения, хранил верность законам исторического развития, «открытым» Марксом, и верил, что историю направляют объективные тенденции, которые неизбежно приведут к падению капиталистического общества. В этом неизбежном развитии он сам был лишь инструментом. Исходя из этих предпосылок, он не нуждался в элементе субъективности, на котором основывались взгляды Богданова. Для Богданова действительно борьба за социализм отнюдь не сводилась к одной войне против капитализма, к простому собиранию сил для нее, что философ называет «минимальной программой» [7, с. 321]. Борьба эта есть в то же время «положительная, творческая работа — созидание новых и новых элементов социализма в самом пролетариате, в его внутренних отношениях, в его обыденных жизненных условиях: *выработка социалистической пролетарской культуры*». [7, с.101]. Эту позицию полностью разделяли Горький и Луначарский, которые создали вместе с Богдановым Каприйскую школу, убежденные, что помимо нелегальной конспирационной деятельности партии, необходимой в тех реакционных исторических условиях, в которых жила Россия, нужно заняться просвещением народных масс [8, с. 503]. Три товарища по партии верили, что главная задача интеллигенции — служить посредницей между буржуазной культурой и пролетариатом через пропаганду, партийные школы, публикацию образовательных текстов, создание энциклопедии для трудящихся. Процесс усвоения и преобразования буржуазной культуры в коллективистском ключе должен был помочь пролетариату осознать свое положение. Достижение культурной гегемонии рабочего класса становилось обязательным условием осуществления революции. Осознавая глубокие разногласия между Лениным и Богдановым, Горький все же надеялся примирить противоборствующие стороны. В марте 1908 года он писал Богданову: «Ильич — фыркает, как вскипевший самовар, дышит во все стороны полемическим паром, и я боюсь — не ожег бы он кого-нибудь? Люблю его — глубоко, искренно, а не понимаю, почему взбесился человек, какие ереси узрел? Для меня, чем более я вчитываюсь в Ваши книги, все яснее, глубже и шире видна Ваша воистину революционная мысль и — не примите за лесть, — мне кажется, что в лице Богданова не только российский пролетариат узнает и оценит своего философа. Разговор с Ильичем, общий и подробный, становится все более необходимым» [5, т. 6, с. 205]. Убежденный в необходимости объединения всех революционных сил, в апреле 1908 года Горький организовал на Капри встречу с Лениным, в которой приняли участие Богданов, Луначарский, философ Базаров, историк Покровский и другие. Однако позиции двух групп оказались непримиримыми, и с этого момента конфликт перешел из практического плана в философский. Горький смирился с неизбежным, однако, понимая неотвратимость раскола, сохранил уверенность в том, что в будущем Ленин одумается и в конце концов осознает свои ошибки. В письме от марта 1909 года (в полном собрании писем по Каприйской школе, опубликованном Ю.Шеррер и Д.Стейлой [9] пока только на итальянском языке, письмо датируется между 19 (6) и 25 (12) марта 1909) он писал: «Я не могу представить себе раскола иначе как в такой форме: возник он по силе необходимости и вследствие непримиримости двух философских концепций, “отзовизм” — формальный предлог к ускорению неизбежного: так как рабочая публика решительно встанет на сторону эмпириомонизма — раскол должен будет выразиться во временном умопомешательстве товарища Ленина, когда же оный товарищ увидит, где сила и Партия, он — придет в себя» [5, т. 7, с. 103]. Но все закончилось иначе: Ленин направил всю свою энергию на борьбу против Богданова. Понимая, что разбирается в теоретических вопросах хуже своего противника, он переехал в Лондон и полностью погрузился в изучение современной философии, чтобы усвоить знания, необходимые для борьбы с эмпириомонизмом. Тем временем Богданов, заметив воинственный настрой своего противника, взялся за составление сборника статей «Очерки философии коллективизма» (по поводу содержания эссе В.Базарова, А.Богданова и А.Луначарского см. [3, с. 309-312]), который был опубликован в первые месяцы 1909 года, где нашло свое место и эссе Горького «Разрушение личности». Четверо авторов — Богданов, Горький, Луначарский и философ Базаров — обсуждали абсолютизацию марксизма, проводимую усилиями Плеханова и Ленина, и предлагали пересмотреть марксистскую доктрину в антиавторитаристском ключе и, разумеется, с коллективистской точки зрения. Подобное намерение очевидно с первых вступительных слов, в которых заявляется, что «идеологии будущего общества [...] по своей сущности представляет коллективизм, — полный, решительный коллективизм практики и познания» [10, с. 5]. В эссе Горького «Разрушение личности», нетрудно заметить влияние Богданова, и, в первую очередь, идей, высказанных философом в эссе «Собирание человека» [11, с.28-77]. Эссе, входившее сначала в цикл из трех статей, опубликованных в «Правде» в 1904 году, а затем напечатанное отдельным изданием в виде брошюры под названием «Новый мир», посвящено фрагментации и распаду личности в течение веков (в богдановской терминологии — «дробление человека»). «Собирание» же личности, по мнению автора, может состояться в обществе, основанном на коллективизме. Богданов исходил из марксистского принципа, который рассматривает человека как исключительно социальное существо, и из положений философской антропологии. Эти идеи философ изложил в произведениях «Немецкая идеология», «К критике политической экономии» и «Экономическо-философские рукописи» 1844 года. В этих трудах Маркс подчеркивал необходимость социализма, чтобы покончить с фрагментацией человеческой психики, вызванной разделением труда между членами общества и усугубленной ростом специализации (отмечая сходство некоторых концепций большевистского теоретика с идеями немецкого философа, многие русские историки утверждают, что «Богданов сумел предвосхитить работы Маркса, еще не изданные в начале XX века» [См.: 9]). На самом деле, «связь Богданова с Марксом в немалой степени происходит через Нуаре» [12-15], малоизвестного ныне интеллектуала, который был близок «к марксистской критике капиталистической

общественно-экономической формации, низводящей рабочих до положения машин, углубляя разделение труда и заставляя их выполнять повторяющуюся и монотонную работу» [15, с. 76]. По этому поводу сам Богданов пишет: «Почти 40 лет тому назад великий филолог, Людвиг Нуарэ, не только показал, что идеология, действительно, произошла из общественного труда, но и объяснил, как именно» [16]. По мнению Нуаре, каждое слово обозначает акт труда, к которому относится, и является общим для всех членов коллектива: «Язык — продукт объединения, чувства общности, которое развилось, усилилось и наконец привело к усовершенствованию общей жизни; [...] “вещь”, которая фиксируется языком как объект человеческой деятельности, впоследствии ведет к появлению нового типа абстрактного мышления и всегда, с необходимостью коренится в коллективном труде, направленном на изменение окружающей природы» [17, с. 136-147]. Кроме того, Нуаре был убежден, что только через высшие формы организации различные группы людей смогут и должны будут восстановить изначальную общность всего человечества.

Эту идею Богданов присвоил себе и с годами развил, дав ей ясную формулировку в своем самом важном произведении «Технология». Мы не знаем, был ли Горький знаком с Нуаре, и можем только с уверенности заявлять, что сближение Горького с Богдановым не было случайным и произошло через чтение Ницше и Берви-Флеровского. Из этих разных философских систем Горький смог синтезировать наиболее близкие ему идеи. В статье «Беседа о ремесле» сам же писатель указывает, какая литература повлияла на него, заявляя: «[...] понятие организующую силу труда помогали мне книги», и, в особенности, «Азбука социальных наук» В.В.Берви-Флеровского. Эта книга передала ему «твёрдую уверенность, что значение труда как основы культурного роста человечества должно быть очевидно и понятно для всякого рабочего человека, если он не идиот» [1, т. 25, с. 309]. Следует заметить, что философские системы Берви-Флеровского и Богданова обе были монистического типа. Чтение «Азбуки социальных наук», так увлекавшей молодого Горького, сопровождается чтением первых книг Ницше, переведенных на русский язык, среди которых «Так говорил Заратустра». Это произведение оказало очень сильное влияние на Горького, начиная с его первых рассказов, главными героями которых выступают босяки. Как рассказывает сам Горький: «Я познакомился с нею (философией Ницше — *П.Ч.*) в 93 году от студентов Ярославского Лицея, исключенных из него. Двое или трое из них, так же как я, работали письмоводителями у адвокатов. Но ещё раньше зимою 1889—90, мой друг Н.З.Васильев перевел на русский язык лучшую книгу Ницше “Так сказал Заратустра” и рассказывал мне о Ницше [...] Критика упрекала меня за то, что я будто бы “романтизировал босяков”, возлагал на люмпен-пролетариат какие-то неосновательные и несбыточные надежды и даже приписал “ницшеанские настроения”. “Романтизировал”? Это едва ли так? Надежд не возлагал никаких, а что снабдил их, также как Маякина, кое-чем от философии Ницше — этого я не стану отрицать» [1, т. 25, с. 322]. Как отмечает А.Семенова, «в основе горьковского представления о сверхчеловеке — антропоцентризм» [18, с.73], который писатель ясно выражает в лозунге «Все в человеке, все для человека» [1, т. 5, с. 367]. Под понятием босяка Горький подразумевает «антимещанский идеал жизни». Как пишет Р.В.Иванов-Разумник: «В босяке Горького подкупает его полная свобода, его независимость от узких, душных форм жизни» [19, с. 397]. Восстание босяка, однако, направлено на самого себя. Таким образом, Горькому был необходим герой, способный изменить общество, сражаться против несправедливости. Подобная потребность художественно выражается в персонаже Данко. А в старухе Изергиль еще силен индивидуализм ницшевского типа. Действительно, борясь с несправедливостью, Данко остается чуждым по отношению к спасенной им массе [20]. Таким образом, антропоцентризм Горького в начале XX века медленно превратился в поиск нового человека, способного сражаться за то, чтобы вернуть в мир гармонию и воздать людям потерянное достоинство. Так человек, который в художественном творчестве Горького конца XIX века-начала XX века «звучал гордо», растворился в коллективном [21, с. 7]. Переход писателя к марксизму уже достиг своей зрелости, и именно в идеях Богданова «еретический» марксизм Горького получил свое полное воплощение.

В эссе Горького отсылка к теориям Богданова ясна, начиная с заголовка. Действительно «Разрушение личности», как отмечает А.Семенова, — это не что иное, как перифраз «дробления человека», иллюстрированного Богдановым в эссе «Собирание человека» [18, с. 106], основные идеи которого приводит Горький. По мнению Богданова, друг друга сменяют три фазы дробления человека: первая фаза — авторитарный дуализм; вторая фаза — специализация; третья фаза — зарождение индивидуалистического сознания [22, с. 55]. Используя ту же схему, Горький рассматривал историю человечества и отмечал этапы вырождения индивидуализма, начавшегося, когда «личность, выделенная коллективом, встала впереди него, в стороне от него [...], создала себя, как новую творческую силу, независимую от духовных сил коллектива. Этот момент является началом расцвета личности, а это ее новое самосознание — началом драмы индивидуализма [...]» [1, т. 24, с. 30]. Несомненно, Горький считал дробление коллективного опыта в результате специализации худшим злом своей эпохи [18], и критика буржуазного индивидуализма будет центральным элементом всего его литературного творчества последующих лет. По мнению писателя, искусство достигало своего наивысшего расцвета, когда художник выражал в своем творчестве коллективные ценности. «Величие и красота искусства прерафаэлитов объясняется физической и духовной близостью артиста с народом; художники наших дней легко могли бы убедиться в этом, попробовав идти путями Гирландайо, Донателло, Брунеллески и всех деятелей этой эпохи, в которой [...] артист был любимцем народной массы, а не лакеем мецената» [1, т. 17, с. 35].

Анализируя возможные пути преодоления кризиса современного ему общества, Горький дал резко отрицательную оценку поведению интеллигенции, особенно в сравнении с разночинцами. Действительно,

русский интеллигент имел «все психофизические данные для сращения с любым классом, но именно потому, что рост промышленности и организация классов в стране развивались медленнее количественного роста интеллигенции, он принужден был самоопределиваться вне рамок социально-родственных ему групп. Перед ним и разоренным крестьянской реформой «кающимся дворянином» стояли незнакомые западному интеллигенту острые вопросы: — Куда идти? Что делать?» [1, т. 24, с. 49]. Эти вопросы должны были привести к единственному решению: «идти в народ», помогать «развить его правосознание», вынуждать правительство к дальнейшим реформам, чтобы ускорить культурное развитие страны. Только это могло бы «дать тысячам личностей [...] место в жизни» [1, т. 24, с. 49]. Народническая интеллигенция же, напротив, отделилась от народа, когда на арену вышел новый социальный класс, пролетариат. Земельное дворянство и разночинцы, чувствуя приход западного капитализма, пытались защитить собственные привилегии: они оградили Россию «частоколом славянофильства», заявив, что ввиду «самобытности русского народа» и особого пути исторического развития страны, отмеченного своеобразным «стихийным социализмом», необходимо помешать дальнейшему распространению капитализма. На самом деле интеллигент отвергал социализм, потому что тот был «враждебен строю его психики». Ударившись в «крайний индивидуализм», народники, наследники славянофильства, идеализировали крестьянина, фактически бросили народ на произвол судьбы. Писатель осуждает настойчивое провозглашение автономии интеллектуалов и заявляет, что единственный возможный для них выход — это отказ от своих привилегий: интеллигенция должна предать свой собственный класс и поставить себя на службу пролетариата. До этого момента «индивидуалист-мещанин оправдывает свою борьбу против народа обязанностью защищать культуру»; однако настало время радикально изменить положение вещей.

В своем эссе Горький открыто высказал недоверие к интеллектуалам непролетарского происхождения. На его взгляд, «в среде мещанства нет свободных планов, нет широких идей, способных стройно организовать творческие силы личности». Это недоверие писатель сохранял на протяжении всей своей жизни. В сентябре 1908 г. в письме к Пятницкому Горький так высказывается о буржуазной интеллигенции: «Русская революция, видимо, была экзаменом мозга и нервов для русской интеллигенции. Эта “внеклассовая группа” становится все более органически враждебной мне, она вызывает презрение, насыщает меня злобой» [5, т. 6, с. 20]. Именно это недоверие заставляло его работать над воспитанием интеллигента рабочего происхождения — единственного, кто, по его мнению, мог стать выразителем истинно коллективистского духа. И сам Горький, несомненно, был живым примером такой личности. Рассуждения Горького в «Разрушении личности» основывались на анализе современной ему социально-политической ситуации и в философском плане в точности повторяли ход мыслей Богданова. Горький также видел единственный выход из создавшегося положения в коллективизме. «Задача данного исторического момента, — пишет он, — развитие и организация, по возможности, всего запаса энергии народов, превращение ее в активную силу, создание классовых, групповых и партийных коллективов».

В этом смысле «Разрушение личности» представляет собой жизненную программу, цель которой — благоприятствовать рождению коллектива творческих индивидов, наделенных общей волей, которая может считаться таковой каждым отдельным членом того же самого коллектива. Чтобы прийти к социализму, по Горькому, необходима монистическая точка зрения, «несмотря на упорное стремление индивидуализма комбинировать данные естественных наук антидемократически, — заявляет он, — естествознание не подчиняется этим усилиям исказить его коллективно созданное содержание — оно все более определенно слагается монистически, постепенно становясь глубоким и мощным фундаментом социализма» [1, т. 24, с. 41]. «Разрушение личности» останется единственной попыткой Горького погрузиться в философию, которая в те годы привлекала его, но не входила в его образование в систематическом виде, как можно ясно заметить по терминологической путанице, сопровождающей его эссе. Например, писатель использует термины «народ» и «пролетариат» как синонимы. Несмотря на эти терминологические неточности, «Разрушение личности» — это зеркало мысли Горького, которая после долгих лет кристаллизовалась вокруг фундаментального ядра эретического марксизма Богданова, даже если его увлечение Ницше полностью не исчезло.

Действительно, Ницше привел его к отказу от буржуазного мира, в то время как Богданов предоставил ему теоретическую базу для развития сложной и радикальной культурной критики в сторону буржуазного общества. Неслучайно Горький нашел свой оригинальный синтез идей двух философов в сакрализации коллектива, который он вывел на сцену в романе «Исповедь», где впервые писатель использовал термин «богостроительство». Как утверждает Д.Стейла: «Надо заметить, что для многих критических марксистов термин «коллективизм» стал обозначением их мировоззрения в целом, а связь между коллективизмом и религиозными исследованиями представляла собой еще один момент гармоничного сочетания богостроительства с эмпириокритицизмом» [3, с. 253]. Идею трансформации социализма в религию разделяли Горький и Луначарский — последний является автором «Религии и социализма» в двух томах — но абсолютно отвергал Богданов, который, как прекрасно объясняет Г.Д.Гловели, был рационалистом [23, с. 44].

Эссе «Разрушение личности» — это зеркало горьковской идеологии, и выраженные в нем идеи, как замечает А.Семенова, найдут свой отклик во всем литературном и публицистическом творчестве писателя от повести «Городок Окуров» до «Жизни Клима Самгина», романа, в котором А.Богданов даже цитируется.

В этих произведениях писатель анализирует последствия «дробления коллективного общества», показывая убожество и «идиотизм» мещанского мира. В «Городке Окурове», написанном в тот же период, когда Горький глубоко занимался философией Богданова, «люди» привыкли «жить и думать одиноко», избегая

друг друга. И ещё важнее, что у них нет «сил создать одну мысль и одно чувство», поскольку они слишком захвачены своим гипертрофированным «Я». Подобные фразы можно найти также в произведениях последующих лет, вплоть до того, что Горький считал своим самым важным творением, — «Жизнь Клима Самгина». В этом романе находит свое место глубокая критика интеллигенции, которая, как в «Разрушении личности», глубоко безразлична к окружающему миру, как, впрочем, и сам главный герой романа. Интересно заметить, что спустя более пятнадцати лет с момента написания «Разрушения личности» Горький повторил идеи, изложенные в эссе, используя тот же язык. Персонаж Ивана Дронова, по мнению Горького, например, «требовательно и как-то излишне визгливо ставил вопросы об интеллигенции, о значении личности в процессе истории» [1, т. 19, с. 103]. И еще: «Интеллигенция, вся, должна стать единой партией, а не дробиться» [1, т. 19, с. 505].

Это не простые совпадения. Эссе «Разрушение личности» не только представляет точку максимального сближения между Горьким и Богдановым, оно должно стать отправной точкой для всего литературного творчества Горького, начиная с «Городка Окурова» и заканчивая «Жизнью Клима Самгина».

1. Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949—1955.
2. Неизвестный Богданов. Кн. 1. М., 1995. С. 153-154.
3. Стейла Д. Наука и революция: Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877—1910 гг.) / Пер. с итал. О.Поповой. М.: Академический Проект, 2013. 363 с.
4. Гловели Г.В., Фигуровская Н.К. Трагедия коллективиста // Богданов А.А. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 3-27.
5. Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997—
6. Strada V. (a cura di). Introduzione // L'altra rivoluzione. Gor'kij-Lunačarskij-Bogdanov. La "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio". Capri: La Conchiglia, 1994. С. 13-28.
7. Богданов А.А. Социализм в настоящем // Он же. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 99-103.
8. Scherrer J. Bogdanov e Lenin: il boscevismo al bivio // Storia del marxismo. Vol. II. Il marxismo nell'età della seconda internazionale. Torino, 1979. P. 493-545.
9. Scherrer J., Steila D. Gor'kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita. Roma: Carocci, 2012. 764 p.
10. Очерки философии коллективизма. Сборник статей. СПб., 1909. 403 с.
11. Богданов А.А. Новый мир // Он же. Вопросы социализма: работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. С. 28-89.
12. Alekseeva G. Bogdanov and the development of science in the twentieth century // Aleksandr Bogdanov and the origin of the system thinking in Russia / Ed. John Biggart, Peter Dudley, and Francis King. Aldershot [etc.]: Ashgate, 1998. P. 25-39.
13. White J. Sources and precursors of Bogdanov's Tektology // Aleksandr Bogdanov and the origin of the system thinking in Russia / Ed. John Biggart, Peter Dudley, and Francis King. Aldershot [etc.]: Ashgate, 1998. P. 67.
14. Гловели Г.Д. Ленинизм, «термины тов. А.Богданова» и философ Ильенков как апологет сталинской экономики // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3(8). С. 64-95.
15. Stanzone M. Selezione, organizzazione e metodo scientifico in A.A.Bogdanov // Bogdanov A.A. Quattro dialoghi su Scienza e Filosofia con scritti di E. von Glasersfeld (a cura di Massimo Stanzone, Silvano Tagliagambe). Roma: Otradek, 2004. 144 с.
16. Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904—1914) // Неизвестный Богданов, Кн. 3 / Сост. Н.С.Антонова. М: ЦК «Аирон-XX», 1995. С. 61.
17. Noiré L. The origin and philosophy of language. London, 1917. С. 159.
18. Семенова А.Л. Сопряжение Идей. Сопряжение Смыслов. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2015. 279 с.
19. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т. 2. СПб., 1907. С. 397.
20. Келдыш В.А. Творчество М.Горького // История всемирной литературы: В 8 т. Т. 8 / АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М.Горького. М.: Наука, 1994. С. 64.
21. Геллер М. Горький и ложь // Cahier du monde russe et soviétique. 1988. Vol. 29. № 1. С. 5-12.
22. Попова А.В. Концепция «цельного» человека в философии А.А.Богданова // Вестник ОГУ. 2012. № 7(143). С. 55-58.
23. Гловели Г.Д. «Радуга Дум и Чувств» и «красочная школа» // Вестник международного Института А.Богданова. 2004. № 2(18). С. 25-48.

References

1. Gor'kiy M. Collected Works in 30 vols. Moscow, 1949—1955.
2. Neizvestnyy Bogdanov [Unknown Bogdanov], vol. 1. Moscow, 1995, pp. 153-154.
3. Steyla D. Nauka i revolyutsiya: Retseptsiya empiriokrititsizma v russkoy kulture (1877—1910 gg.) [Science and Revolution: the reception of empiriocriticism in russian culture]. Moscow, 2013. 363 p.
4. Gloveli G.V., Figurovskaya N.K. Tragediya kollektivista [Tragedy of a collectivist]. In: Bogdanov A.A. Voprosy sotsializma: raboty raznykh let. Moscow, 1990, pp. 3-27.
5. Gor'kiy M. Complete works. Letters in 24 vols. Moscow, 1997—
6. Strada V. (a cura di). Introduzione. L'altra rivoluzione. Gor'kij-Lunačarskij-Bogdanov. La "Scuola di Capri" e la "Costruzione di Dio". Capri, 1994, pp. 13-28.
7. Bogdanov A.A. Sotsializm v nastoyashchem [Socialism in the present]. In: Bogdanov A.A. Voprosy sotsializma: raboty raznykh let. Moscow, 1990, pp. 99-103.
8. Scherrer J. Bogdanov e Lenin: il boscevismo al bivio. Storia del marxismo. Vol. II. Il marxismo nell'età della seconda internazionale. Torino, 1979, pp. 493-545.
9. Scherrer J., Steila D. Gor'kij-Bogdanov e la scuola di Capri. Una corrispondenza inedita. Roma, 2012. 764 p.
10. Ocherki filosofii kollektivizma. Sbornik statey [Essays on philosophy of collectivism: a collection of articles]. St. Petersburg, 1909. 403 p.
11. Bogdanov A.A. Novyy mir [New World]. In: Bogdanov A.A. Voprosy sotsializma: raboty raznykh let. Moscow, 1990, pp. 28-89.
12. Alekseeva G. Bogdanov and the development of science in the twentieth century. In: John Biggart, Peter Dudley, and Francis King, eds. Aleksandr Bogdanov and the origin of the system thinking in Russia. Aldershot [etc.], 1998, pp. 25-39.
13. White J. Sources and precursors of Bogdanov's Tektology. In: John Biggart, Peter Dudley, and Francis King, eds. Aleksandr Bogdanov and the origin of the system thinking in Russia. Aldershot [etc.], 1998, p. 67.

14. Gloveli G.D. Leninizm, "terminy tov. A.Bogdanova" i filosof Il'enkov kak apologet stalinskoy ekonomiki [Leninism, "termin of tov. Bogdanov" and philosopher Il'enkov as apologet of Stalin's economy]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2020, no. 3(8), pp. 64-95.
15. Stanzione M. Selezione, organizzazione e metodo scientifico in A.A.Bogdanov. Bogdanov A.A. Quattro dialoghi su Scienza e Filosofia con scritti di E. von Glasersfeld (a cura di Massimo Stanzione, Silvano Tagliagambe). Roma, 2004. 144 p.
16. Bogdanov A.A. Desyatiletie otlucheniya ot marksizma. Yubileyny sbornik (1904—1914) [A decade of separation from Marxism. Jubilee collection (1904—1914)]. In: *Neizvestny Bogdanov*, vol. 3. Moscow, 1995, p. 61.
17. Noiré L. The origin and philosophy of language. London, 1917, p. 159.
18. Semenova A.L. Sopryazhenie Idey. Sopryazhenie Smyslov [Conjugation of Ideas. Conjugation of Meanings]. Velikiy Novgorod, 2015. 279 p.
19. Ivanov-Razumnik R.V. Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli [History of Russian social thought], vol. 2. St. Petersburg, 1907, p. 397.
20. Keldysh V.A. Tvorchestvo M.Gor'kogo [M.Gorkiy's Literary Works]. Istoriya vsemirnoy literatury in 8 vols, vol. 8. Moscow, 1994, p. 64.
21. Geller M. Gor'kiy i lozh' [Gorkiy and Lie]. *Cahier du monde russe et sovietique*, 1988, vol. 29, no. 1, pp. 5-12.
22. Popova A.V. Kontseptsiya "tsel'nogo" cheloveka v filosofii A.A.Bogdanova [The concept of a "whole" person in the philosophy of A.A. Bogdanov]. *Vestnik OGU*, 2012, no. 7(143), pp. 55-58.
23. Gloveli G.D. "Raduga Dum i Chuvstv" i "krasochneya shkola" ["Rainbow of Thoughts and Feelings" and "Colorful School"]. *Vestnik mezhdunarodnogo Instituta A.Bogdanova*, 2004, no. 2(18), pp. 25-48.

Cioni P. Reception of Bogdanov's ideas in the article "The Disruption of personality" by M.Gorkiy. In the article the author maintains that the ideas expressed by M.Gorkiy in the essay "The Disruption of Personality" represent a fundamental point of departure for the study of his literary works: from the novel *Gorodok Okurov* (Okurov Town) to his four-volume *The Life of Klim Samgin*. It is an essay of paramount importance to understand the worldview of M.Gorkiy that at the time crystallized around Bogdanov's ideas on empiriocriticism, of which he would offer his personal synthesis. Such ideological proximity was censored throughout the Soviet period, as, indeed, were the views of Bogdanov himself. However, studying Gorkiy, the writer, without taking into account the influence that the ideas of the Russian philosopher had on him, means to understand his literary evolution only half-way.

Keywords: A.Bogdanov, collectivism, empiriomonism, "The Disruption of Personality", A.Lunacharskiy.

Сведения об авторе. Паола Чони — кандидат исторических наук; директор Итальянского института культуры в Санкт-Петербурге; ORCID: 0000-0002-6878-9357; paola.cioni@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 16.08.2021. Принята к публикации 01.09.2021.

Ссылка на эту статью: Чони П. Рецепция идей А.Богданова в статье «Разрушение личности» М.Горького // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 5(38). С. 577-582. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).577-582

For citation: Cioni P. Reception of Bogdanov's ideas in the article "The Disruption of personality" by M.Gorkiy. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 5(38), pp. 577-582. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).577-582